

Межинский—Фаюнин

ЗАСЛУЖЕННЫЙ артист РСФСР С. Межинский — актёр своеобразной индивидуальности. С острой наблюдательностью, с резкими, выхваченными из жизни деталями актёрского рисунка сочетает он силу темперамента, романтическую страстность. Созданные им за последние годы образы профессора Мамлока в кино, старого Феликса в балзаковской инсценировке «Евгения Гранде» были восприняты и зрителями и критикой, как значительные явления актёрского мастерства. Актёр сочных красок, яркой театральности, Межинский ненавидит бытовщину в искусстве. Его привлекают характеры, сосредоточенные, напряжённые, сложные.

Именно таков образ Фаюнина, которого он играет в пьесе Леонида Леонова «Нашествие». Когда-то купец первой гильдии, богат, ставший гражданским «мертвецом» при советской власти, Фаюнин извлекается немцами, ставится ими на пост «градского головы» оккупированного города.

— Больше всего я опасался, — говорит Межинский, — дать в этой роли грубую социальную маску, показать предателя с омерзительным внешним обликом и вызывающими отвращение жестами.

В создании внешнего образа Фаюнина помогли мне фотографии нескольких захваченных нацими частями бывших бургомистров. Облик одного из них я и положил в основу своего грима. Внутреннее же существо образа убедительно раскрыл один из фельетонов И. Эренбурга. В этом фельетоне рассказывается о разговоре немецкого офицера и — подобного Фаюнину — бургомистра. Пролетает немецкий самолёт. — Это чей? — спрашивает немец. — Наш, — отвечает бургомистр. — А там чьи летят? — продолжает дерзывать немец, указывая в сторону расположения советских войск. — Там не наши.

— Врёте, бургомистр: — и этот не ваш, и те не ваши.

Таково положение предателя. Немцы — чужие Фаюнину. Он дико боится их, ещё больше боится он русских. Когда я фантазировал, когда я думал об образе, невольно повторял я ту авторскую ремарку, в которой сказано, что Фаюнин — «из мертвецов».

Я представил в воображении какой-то «паноптикум печальный»: в нём — восковые фигуры; вот стоит человек в сюртуке с фаюнинской бородкой. Заиграла музыка. Ожила восковая персона, ручками задвигала. Но кончилась музыка, и опять замерла восковая кукла, теперь уже навсегда.

Мёртвый хочет быть живым. Фаюнин стремится реставрировать себя. Он выбирает свой костюм, глядя на старые портреты, висящие на стенках. Он хочет зачеркнуть страшные для него 25 лет советской власти. Ничего не было. Ничего не случилось. Так хочется ему думать. Был купец Фаюнин, и купец Фаюнин остался. Как мыльный пузырь, раздувается Фаюнин и, как мыльный пузырь, лопаётся.

Страх, вечный страх, мучительная ежеминутная тревога — вот то, что характерно для каждого слова, каждого жеста, каждого поступка

Фаюнина. Земля горит под ногами у немцев, и пол в «собственном» Фаюнина доме кажется ему словно утыканным гвоздями. Фаюнин знает, что Колесников, председатель исполкома, скрывается в семье Талановых. Однако он не выдает его немцам, приберегая «для будущего».

Когда Фаюнин узнаёт, что немцы разбиты под Москвой, его тревога становится смертным ужасом. Он ощущает петлю на шее. Он готов отказаться от нынешнего Фаюнина в шубе и при золотых часах, он снова готов быть оборванным старичком, жалким сторожем при советской лавке — только бы уцелеть, только бы выжить.

Сила Колесникова, подлинного хозяина города, гипнотизирует его. Он делает Колесникову такое очевидное для Фаюнина предложение: «Я спасу тебя при немцах, ты спасёшь меня при русских», но Колесников отвергает сделку о предательстве. Он напоминает Фаюнину о пуле, которая уже для него готова. Понимает Фаюнин: — Все кончено. Приговор неизбежен. Высшая мера.

Но нет более азартных игроков, чем старики фаюнинского типа, когда начали они игру. И он продолжает свою путанную карту с истерическим упорством, с отчаянием: а вдруг повезет, а вдруг он останется, удержится, уцелеет.

Судорожная напряжённость владеет им всецело. Вот почему он больше прислушивается, чем смотрит: может быть, что-нибудь удастся подслушать, вынюхать.

— Так, — говорит С. Межинский, — рисуется мне образ Фаюнина, такой характерный для драматургического почерка Леонида Леонова. Большую помощь в создании этой роли оказали мне постановщик спектакля И. Я. Судаков и автор, присутствовавший на большинстве репетиций, внимательно и чутко следивший за тем, как развивался в моем представлении образ его персонажа.

С. Юрьев.